

БЕЛОЕ ПЯТНО

«...Позвольте не поверить. Чтобы одна рюмка?.. Не верю. А как же знаменитая свадьба, на которой по-богатырски, побылинному пьют, льют, гуляют?»

Чуть ли не в каждом письме ссылки на свадьбу. Это был, можно сказать, главный «аргумент». А между тем аргумент-то как раз «работал» против тех, кто его приводил. Помните описание свадьбы у Пушкина? Новобрачным запрещалось на свадьбе пить! Категорически запрещалось. А в Древней Руси, как и в античных государствах, женщина сама не позволяла, не допускала близости с пьяным мужчиной.

Приведу выдержку еще из одного письма. Оно пришло из Рязанской области: «Считаю, что надо как можно быстрее заняться проблемой детского алкоголизма. Это самое страшное зло...»

Нельзя не разделить тревоги рязанского читателя. Как невозможно, говоря о проблеме «алкоголизм и потомство», сузить ее лишь до вопроса о «пьяном зачатии».

По официальным данным, каждый второй алкоголик начал пить еще до четырнадцати лет. А 80 процентов — до девятнадцати. Это действительно страшно. И, если хотите, именно отсюда берет начало само зло. Хрупкий, растущий организм не может противостоять разрушающему влиянию алкоголя. И постепенно происходит деградация личности. Такие подростки в своем большинстве становятся преступниками. Но, пожалуй, самая большая трагедия в том, что именно от тех, кто рано пристрастился к спиртному, рождаются неполноценные дети. Обреченные существа. Социально опасные элементы, способные на любой антиобщественный, античеловеческий шаг. И примеров тому много. Об одном из них рассказывает в своем письме житель Ростовской области Николай Григорьевич Н.

«...Надеюсь, что статья, с помощью которой автор и редакция пытаются предупредить беду, возымеет действие. Если хотя бы один процент молодоженов, прочитав о последствии «пьяного зачатия», наберется ума-разума, то это значит — в бу-

дущем хотя бы на один процент станет меньше самих «последствий», то есть больных детей. Но то будет в будущем. А мы живем сейчас, сегодня. И «последствия пьяного зачатия» в образе живых людей, наших современников, тоже живут сейчас, сегодня, хотя и обречены всегда быть такими, как родились, ибо, как говорится в статье «мировая практика не дает ни одного случая излечения от слабоумия».

Я не знаю, сколько у нас этих самых «последствий», сколько этих самых «неизлечимых». Если поверить предупреждению ученых-специалистов, что «пьяное зачатие не знает промаха», то есть беда бывает в ста случаях из ста возможных, и если учесть, что у нас здорово хромает культура питья, то, думаю, число «последствий» немалое. В одной только Москве несколько вспомогательных школ, в которых учатся умственно отсталые дети...

Задумывался ли кто-нибудь над тем, куда деваются выпускники этих школ? Я задумался. И выяснил: никуда. Точнее — куда угодно... Простите, что я так долго подхожу к самому главному, ради чего вспомнил незаживающую рану свою... Погиб мой сын. Мой мальчик. Мой Алешка. Ему было всего двенадцать лет. Он со своими сверстниками играл во дворе. Играл в футбол. Стоял на воротах. Конечно, какие бывают ворота во дворе, на асфальтированной площадке? Два портфеля или два кирпича. То, что произошло в тот роковой день, трудно передать обычными словами. К мальчику подошел великовозрастный детина и... убил его. Не могу писать о подробностях... Убийцу забрали в милицию. Оттуда — напрямик в психиатрическую больницу. Выяснилось, что в тот же день двумя часами раньше он убил еще одного подростка. И что? А ничего. Детей мы похоронили. Похоронили двух мальчиков. Общество лишилось двух своих будущих граждан, а убийца живет, лечится. Его бесплатно кормят. Говорят, в неделю раз меняют постельное белье. Это же так несправедливо: мальчишек похоронить, а убийцу менять белье. От сознания этой несправедливости члены нашей семьи не только потеряли покой, но могли лишиться рассудка. Мы были не в состоянии каждый день проходить по двору, где голосистые дети гоняют мяч. Не могли выносить взглядов, исполненных сострадания, с которым на нас смотрели соседи и знакомые. И мы переехали. Но и это нам не помогло. Горе наше неутешно. Обида, невероятная обида гложет сердце. Если бы хоть болезнь или авария! А то середь бела дня... Я видел убийцу. Настоял, и мне показали его. Тупая улыбка на тупом лице. Глаза пустые. В них действительно нет света...

В милиции мне объяснили, что он таким родился. Что он ходил не в массовую школу, а во вспомогательную. Педагоги-дефектологи сказали мне, что он во время учебы был тихоней и даже паинькой. Вот об этом я и хочу поставить вопрос. Как же так?»

Письмо это пришло из города Азова. В Ростове-на-Дону живет и работает Виктор Казьмин. Получив письмо, я вылетел в Ростов, и вскоре вместе с Виктором мы были в Азове.

Да, мы понимали, что горю отца ничем не поможешь. Но в письме Николая Григорьевича мы видели проявление высокого гуманизма. Стараясь заглушить в себе стон отчаяния, он писал письмо, думая о других. О своих современниках, которые, если ничего действенного не предпринять, тоже могут стать жертвами.

Николай Григорьевич рассказал подробности, о которых не хотел писать в редакцию. Убийца несколько раз прохаживался по асфальтированному двору, где гоняли в футбол. Потом подошел к мальчику, стоявшему в воротах. С неизменной тупой улыбкой на лице провел пятерней по курчавой голове школьника. Никто на это не обратил внимания. Только крохотная девочка, которая в тот миг оказалась рядом, наблюдала за ними. Мальчик несколько раз повторял: «Дядя, не мешай, сейчас мяч влетит в ворота». Убийца в ответ лишь улыбался. А в это время на футбольном поле стоял невероятный визг. Потом все будут говорить про этот самый визг. Потому что никто из-за него ничего не слышал. Никто не слышал, как закричал маленький вратарь. Да он и закричать не успел. Лишь маленькая девочка видела эту сцену (девочку после госпитализировали с выраженным нервным расстройством). Игра остановилась. Все мигом окружили лежащего в воротах Алешку. Лежащего в луже крови. Дети в оцепенении следили за тем, как убийца все с той же улыбкой на лице подошел спокойно к крану и стал тщательно мыть кухонный нож.

Хозяин дома рассказал о том, как был убит двумя часами раньше другой мальчик в другом дворе. Рассказал и о семье убийцы, которому тогда было двадцать четыре года. Отец умер от белой горячки. Мать — хронический алкоголик. Сам же будущий убийца во вспомогательной школе был не только, как писал Николай Григорьевич, паинькой, но и способным сапожником. Он научился шить добротную обувь. Его работы показывали на специальных выставках. «Кто знает, — сказал, вздыхая, Николай Григорьевич, — может, если бы с этим не-

счастливым парнем занимались и после школы, мой сын сейчас жил бы...»

Расстались мы с Николаем Григорьевичем далеко за полночь. Долго ехали молча. Ни мне, ни Виктору не хотелось вслух говорить о встрече с человеком, которому, как выяснилось, не было и сорока пяти, а выглядел он куда старше. Я лишь ловил себя на мысли, что то и дело слышу голос этого человека. Слышу его слова, которые ранее приходилось читать в письме. Слова о чудовищной несправедливости: похоронили двух мальчиков и оставили безнаказанным убийцу. Правда, Николай Григорьевич всякий раз как-то виновато добавлял: «Я, конечно, понимаю, речь идет о больном человеке. Но ведь и меня надо понять...»

Да, прав Николай Григорьевич. И его понять надо.

Никто не возьмется обвинить гололед в увеличении числа травм. Или, точнее, так: люди делают все, чтобы по возможности уменьшить число несчастных случаев во время гололеда. И лед долбят, и посыпают его песком, и машины специальные изобретают. Словом, тратят немало сил и средств на проведение обязательной профилактики все с той же главной целью — предупредить беду.

Сравнение, понимаю, неточное. Целая педагогическая армия, ученые-дефектологи делают все, чтобы «умственно отсталые» или «глубоко умственно отсталые» дети до восьмого класса научились хотя бы некоторым азам грамоты и навыкам труда. Но все это лишь до восьмого класса. После — белое пятно.

Многие, кстати, спрашивают, что из себя представляют вспомогательные школы. В двух словах: всего восемь классов (иногда есть дополнительный, специальный девятый класс). Восьмой класс соответствует примерно третьему классу массовой школы. И еще добавим: содержание каждого ученика в таких школах обходится в несколько раз дороже, чем в обычных. Ибо здесь не только действует система интерната, но и имеются хорошо оснащенные мастерские различных профилей, в которых учителя-дефектологи прививают детям с психическими расстройствами определенные трудовые навыки.

Я посетил такие школы. Почти везде видел порядок, чистоту, уют, дисциплину. Видел чуткое отношение к своим несчастным питомцам педагогов, многие из которых являются людьми самоотверженными. Труд их поистине героический. В мастерских (сапожных, слесарных, швейных и др.) дети, в большинстве страдающие олигофренией, уже через несколько

лет изготавливают сложную продукцию. Качеству работы, с уверенностью можно сказать, позавидуют иные сапожных или швейных дел мастера. Отметим также, что дети эти, приобретая навыки, вкусив прелести труда, после с величайшей охотой и усердием выполняют порученную им работу. Педагог-дефектолог В. Г. Дрознин пишет в своем труде «Воспитание положительного отношения к труду у детей-олигофренов»: «На развитие интереса к труду учащихся вспомогательной школы положительно влияет сознание ими полезности и необходимости трудовой деятельности».

После окончания школы наиболее способные с помощью родителей или инициативных педагогов устраиваются на производство: правда, как показывает жизнь, вскоре многие из них увольняются. Кто-то живет дома у родителей. А кто-то, подобно убийце Алеши, отдается, я бы даже сказал, придается улице. Ведь их, если они даже самые что ни на есть великолепные, скажем, сапожники, не очень-то хотят брать на работу. И знаете, можно в конце концов понять руководителей предприятий. В одном из трудов Московского научно-исследовательского института Академии педагогических наук СССР говорится: «Оканчивая вспомогательную школу и попадая в производственный коллектив, умственно отсталый вступает в качественно новые отношения, в том числе и правовые. Круг его обязанностей и количественно, и качественно значительно расширяется... Социальная адаптация учащихся вспомогательной школы в самостоятельной жизни невозможна без элементарной правовой подготовки». Напомним: восьмой класс по своему уровню равняется третьему...

Говоря о задаче, а еще точнее — о некоей сверхзадаче вспомогательной школы, специалисты, с которыми я встречался, сообщали мне о двух самых главных направлениях в современной дефектологии. Первое: необходимо в обреченных детях с ущербной психикой найти и развить те скрытые черты и качества, которые помогут молодому человеку обрести хоть какую-то уверенность в себе. И второе — воспитание сдержанности... Здесь я сделаю некоторые пояснения, чтобы читателю легче было понять суть вопроса. Как известно, алкоголик бывает психически раскован, его так называемые сдерживающие центры полностью отключены. Эти же симптомы бывают у олигофренов, родившихся от пьяного зачатия. И задача педагогов-дефектологов — добиваться того, чтобы хоть на йоту мобилизовать эти самые «сдерживающие центры», дисциплинировать

«раскованность психики». Дело осложняется тем, что у таких детей уже к одиннадцати-двенадцати годам формируются психопатоподобные формы поведения...

Сама логика жизни подсказывает, что с этими детьми надо заниматься и дальше. После окончания вспомогательной школы. Заниматься всегда. Всю их жизнь. Альтернативы просто нет, поскольку речь идет о людях, которые не могут находиться вне общественного контроля, вне общественной заботы.

Мы имеем специальные общества и производственные комбинаты для некоторых групп больных (глухие, немые, слепые и др.). Почему бы нечто подобное не организовать и для выпускников вспомогательных и специальных школ? Практика показывает, что, конечно, не все выпускники нуждаются в том, чтобы общественный и педагогический контроль над ними продолжался. К тому же комбинаты станут выпускать продукцию.

Итак, специальные комбинаты, приданные школе или группе школ, могли бы быть неплохим подспорьем в решении проблемы. Кстати, подобная работа уже проводится и приносит обществу большую выгоду, как экономическую, так и нравственную. Так, выпускники одной из вспомогательных школ успешно работают в специальном цехе, организованном на ее же базе. То же организовали у себя дефектологи Орла. А в городе Виноградово Закарпатской области и в Эстонии выпускники домов-интернатов для глубоко умственно отсталых детей работают в колхозах, на приусадебных участках либо организованы в специальные бригады, которые заняты в подсобном хозяйстве дома для престарелых, где им предоставлено жилье.

Примеры хорошие. Однако работа должна вестись более энергично.

...Но вернемся к началу нашего разговора, вспомним, что беда начинается с пьянствующих родителей, с «безобидной» рюмки, с пьяного зачатия.